

комнаты, она сняла свои башмаки на высоких каблуках и, боясь опоздать, побежала со всех ног в условное место. Она прибежала туда как раз вовремя и, войдя с другой стороны в домик, куда только что перед этим пришел ее муж, спряталась за дверь и стала слушать, как супруг ее признавался в своих высоких и благородных чувствах служанке. А как только она увидела, что дело начинает доходить до большего, она схватила его за спину и сказала:

– Я слишком близко, чтобы тебе могла понадобиться другая.

Нечего и говорить, что муж ее был вне себя от гнева. Он увидел, что лишается всех радостей, которых так ждал, и что жена его узнала больше, чем надо, так что теперь он может навсегда утратить ее любовь. И решив, что виновата во всем служанка, он, не сказав ни слова жене, погнался за несчастной девушкой в такой ярости, что, если бы жена не вырвала ее у него из рук, он бы ее, наверное, убил; он стал говорить, что это препоганая девка, что жене его надо было немного подождать – и она бы убедилась, что он хотел только посмеяться над этой негодницей и что вовсе не стал бы учинять над ней то, к чему она приготовилась, а вместо этого отхлестал бы ее розгами. Но жена его была женщиной достаточно искусенной в жизни, и обмануть ее было нелегко: она обрушила на него столько упреков, что он даже испугался, что она совсем от него уйдет. Ему пришлось обещать ей, что он исполнит все, чего она от него хочет. А так как упреки жены были справедливы, ему оставалось только признаться, что он был не прав, когда осуждал ее за то, что у нее такое множество кавалеров. Ибо женщина красивая и порядочная не становится менее добродетельной оттого, что ее любят, если только не делает и не говорит ничего, что может запятнать ее честь: мужчина же, если он преследует женщину, которую не любит, и этим позорит и жену и совесть свою, действительно заслуживает самого сурового наказания. И муж обещал ей, что впредь, если ей захочется поехать на какое-нибудь придворное празднество, он никогда не будет чинить ей препятствий, равно как и осуждать ее за то, что у нее есть кавалеры; он ведь хорошо знает, что она никого из них не любит и только потешается над ними. Жене такое решение пришлось по душе, она стала думать, что одержала этим немалую победу, но мужу в этом не призналась, а напротив – притворилась огорченной и ответила, что поездки ко двору уже не доставляют ей теперь ни малейшего удовольствия, ибо она видит, что он ее разлюбил, а без его любви всякое общество будет ее только раздражать; ведь только тогда, когда женщина любима своим мужем и сама его любит, как то было с ней, она может преспокойно разговаривать с кем угодно и никто не станет над нею смеяться. И ее бедному мужу пришлось немало потрудиться, чтобы убедить ее, что он по-прежнему ее любит. Но в конце концов они все же помирились и вместе вернулись в дом. Однако, для того чтобы подобные вещи не могли больше повторяться, он попросил ее прогнать служанку, причинившую ему столько неприятностей. Дама эта с ней действительно рассталась, но сначала нашла для нее хорошего жениха и, справив за счет своего супруга приданое, выдала ее замуж.

А для того чтобы жена забыла о его безрассудстве, муж сам начал возить ее на придворные празднества и одевать со всею роскошью и богатством, что ей и требовалось для того, чтобы быть счастливой.

– Вот, благородные дамы, почему я сказал, что нет ничего странного в том, как эта дама поступила с одним из кавалеров, ибо точно так же она вела себя и с собственным мужем.

– Вы рассказали нам про очень хитрую жену и очень глупого мужа, – сказал Иркиан, – ведь если уж он добился такой удачи, ему не следовало останавливаться на полдороге.

– А что же он, по-вашему, мог еще сделать? – спросила Лонгарина.

– Да то, что хотел, – ответил Иркиан, – жена ведь пришла в такой великий гнев, узнав о том, что он собирается учинить, что, если бы даже он и исполнил все, что задумал, гнев ее вряд ли мог бы быть еще сильнее, пожалуй, жена стала бы только больше его уважать, увидав, как он смел и решителен.

– Все это хорошо, – сказала Эннасюита, – но где же вы видели, чтобы мужчине приходилось одновременно сражаться с двумя женщинами? Жена его защищала свои права супруги, а служанка – свою невинность.

– Так-то оно так, – подтвердил Иркиан, – но человеку смелому не приходится бояться двух слабых женщин, он все равно достигает того, чего хочет.

– Ну, разумеется, – сказала Эннасюита, – выхватив шпагу, он мог бы убить их обеих, и я не представляю себе, как бы он выпутался иначе из этого положения. Поэтому будьте так добры сказать, что бы вы, например, сделали на его месте?